

Абдулина А.Б.,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: alma.abd@gmail.com

ФАКТЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТРАВЕЛОГА

Предлагаемая публикация посвящена одной из проблем медиевистики – жанровому своеобразиею «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. С развитием исследований путевых заметок в науке появляются новые дефиниции, которые позволяют конкретизировать жанровые параметры интереснейших фактов литературного опыта повествований о путешествиях и впечатлений о них. В данном случае речь идет о травелоге. Суть и эволюция жанра показательны и в сфере древнерусской литературы, достоянием которой является вклад русского купца Афанасия Никитина, совершившего длительное путешествие по странам Востока и оставившего письменные свидетельства о познании мира, уникальной культуры и самого себя на пути к Богу.

Ключевые слова: древнерусская литература, жанр, путешествие, хождение, травелог, факт, интерпретация, специфика.

Abdulina A.,

DSc, Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: alma.abd@gmail.com

Facts and their interpretation in the text of the medieval travelogue

The proposed publication is devoted to one of the problems of medieval studies – the genre peculiarity of «The Journey of the Three Seas» by Afanasy Nikitin. With the development of research of travel notes in science new definitions are being introduced that allow us to concretize the genre parameters of the most interesting facts of the literary experience of travel narratives and impressions of them. In this case we are talking about the travelogue. The essence and evolution of the genre is indicative also in the field of Old Russian literature, the property of which is the contribution of the Russian merchant Afanasy Nikitin, who made a long journey through the countries of the East and left written testimonies about the knowledge of the world, a unique culture and himself on the way to God.

Key words: Old Russian literature, genre, travel, walking, travelogue, fact, interpretation, specificity.

Абдулина А.Б.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, ф. ф. д.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: alma.abd@gmail.com

Ортағасырлық травелог мәтініндегі фактілер мен олардың интерпретациясы

Ұсынылып отырған мақала медиевистикалық мәселелердің бірі Афанасий Никитиннің «Үш теңіздің аржағына саяхат» кітабының жанрлық ерекшелігіне арналады. Ғылымда жиһангерлік жазбаларды зерттеуді дамыта отырып, саяхат туралы және одан алған әсерді баяндауда әдеби тәжірибеде қызықты оқиғалардың жанрлық параметрін нақтылауға мүмкіндік беретін жаңа дефинициялар пайда болуда. Аталған оқиғада травелог туралы сөз болады. Жанрдың мәні мен эволюциясы орыс көпесі Афанасий Никитиннің шығыс елдеріне ұзақ уақыт саяхат жасап әлемді тану, бірегей мәдениет пен Құдайға баратын жолда өзін-өзі тану туралы жазбаша түрде қалдырған ежелгі орыс әдебиетіне қосқан үлесінен көрінеді.

Түйін сөздер: ежелгі орыс әдебиеті, жанр, саяхат, жиһангер, травелог, факт, интерпретация, ерекшелік.

Введение

Особое место в литературе занимают произведения, написанные по впечатлениям во время путешествий в разные страны. Исследователь Маслова Н. пишет: «В произведениях такого рода аудитория получает своеобразно сконструированную, прошедшую предварительно через непосредственное восприятие и переработанную идейно-художественным опытом автора-современника информацию. Публицистические «путешествия» неопределимы для широкого ознакомления с различными областями социально-политической, экономической жизни какой-либо страны, её культуры и искусства» (Maslova, 1980: 4). В современном литературоведении этот жанр дефинируется как травелог (от английского слово «travelogue»), занимающий некое среднее положение между литературой и историей. По определению Норманда Дуарона, «история и путешествия имеют естественную взаимосвязь: перемещение идет в одном пространстве, а в другом – во времени. Оба являются истоками человеческого опыта» (Doiron, 1988: 21).

К данному жанру, имеющему долгую историю, начиная от античности (Le Huenen, 1990: 11), в определенном контексте следует отнести хождения, специфика которых связана с паломничеством в святые земли, в то же время оставивших многоплановый материал, широта и богатство которого зависели от характера и мировоззрения автора, что служило ему опорой при описании и помогало делать выводы и сравнения (Vembееv, 2003: 83).

Эксперимент

Более всего жанровая дефиниция травелога соответствует своеобразным по стилю путевым очеркам Афанасия Никитина, нежели паломническому хождению. Русский купец XV века, оказавшись волею судеб в странах Востока, увидел не только экзотику и описал её. Переживая долгий разрыв с Родиной и духовное одиночество, Никитин стремился восполнить его прикосновением к другим вероисповеданиям, понять и сопоставить свои христианские помыслы и отправления с иными верами и откровениями. Таким образом, труд Никитина – это взгляд и слово человека, посетившего храмы и святые места других религий и описавшего не христианские святыни. Как следствие, определить жанр паломническим хождением будет не вполне со-

ответствующим. Из дошедших до нас списков «Хождения» можно судить о маршруте Никитина, путь которого из Твери с целью торговли в Ширванской земле (Северный Кавказ) после разных перипетий изменяет свой вектор: преодолев просторы Каспийского моря, купец оказывается в Персии. Пройдя её территорию, он пересекает Индийское море и оказывается в Индии. Этот начальный этап странствия изложен предельно кратко, главное же повествование – это города, люди, обычаи, верования и храмы Гундустана – «Индийской земли», захваченной мусульманскими завоевателями, основавшими в её центре Делийский султанат. В трудном пути по дорогам страны, находящейся в состоянии расщепления и кризиса, чужеземец из далекого славянского мира вначале описал то, что непосредственно видел: «И тут есть Индейская страна, и люди ходят наги все, а голова не покрыта, а волосы в одну косу плетены... А князь их – фата на голове, а другая на бедрах... Купцов поселяют на гостиных дворах, готовят для них служанки...» (Nikitin, 1986: 20)

Затем в повествование включилось то, что было услышано: легенды и предания индусов о «князе обезьянском», о «птице-гукук» (Nikitin, 1986: 22), о богатых торжищах в столице «бусурманского Гундустана» – Бедере, по улицам которого ползают змеи – «длина две сажени» (Nikitin, 1986: 22), на шумных базарах продают коней, «камку, шелка да всякий товар», и бывают бои, в которых участвуют слоны, закованные в «доспехи булатные» (Nikitin, 1986: 21).

И, наконец, эпизоды странствия все более сопрягаются с картинами религиозной содержательности и духовного знания, рассеянного вокруг странника во множестве верований и убеждений, запечатленных на стенах храмов, в изваяниях богов и богинь: «В бутхане [храме] бут [с персидского – бог] вырезан из камня, велми велик, да руку правую простер высоко, а в левой руке у него копье» (Nikitin, 1986: 23). Так Никитин описывает бога индуистского пантеона Шиву. Вскоре повествование переносится на зарисовки наблюдений в мечети (Nikitin, 1986: 23), а затем следует описание паломничества в Парват – «индейский Ерусалим» (Nikitin, 1986: 24). Таким образом, путь Никитина в определенной степени связан с посещением мест паломничества к святыням, но не христианства, как это следовало бы ожидать от православного верующего. В ряде источников оно известно как антипаломничество. (Volkov, <http://www.proza.ru/avtor/dengusev> 90).

Особый интерес представляет билингвизм текста. Автор сумел соединить разные языковые фрагменты с определенной целью – скрыть в иноязычных инсталляциях собственные мысли и мнения о фактах и реалиях, увиденных в долгом странствии по чужим землям. Более того, сочетание русского, тюркско-персидского жаргона, арабских лексем и текстов из Корана может быть определено как полилингвизм, хотя употребление иноязычных слов не является в данном случае постоянной константой, а лишь фрагментарной практикой. По мере продвижения вглубь страны эпизоды путешествия все более наполняются религиозной содержательностью и духовным знанием, рассеянным вокруг странника во множестве верований и убеждений, запечатленных на стенах храмов, в изваяниях богов и богинь. Гармония и ажурная вязь узоров на стенах многочисленных храмовых сооружений, величие созданного людьми в знак поклонения Богу сказались в завершении произведения особенно явственно: ему воздвигнута эта сложная структура словесного храма:

«Смилна рахманъ рагымъ
(Во имя господя милостивого, милосердного);
Олло акбер, акши худо, илелло акши ходо
(Господь велик, боже благий, господи благий);
Иса рухолло, ааликсолом
(Иисус дух божий, мир тебе);
Олло акбаръ (Бог велик);
А илягяиля илл елло
(Нет бога кроме господя)...»
(Nikitin, 1986: 58).

Познание многочисленных фактов и различных явлений окружающего «чужого» мира в единстве позволило Никитину так тонко «прочитать» его культуру (Gresset, Polk, 1985: 7) и, завершая свои записи трансформированным текстом сура из Корана, оставить не просто загадку для читателя, но знание о том, что им увидена и осмыслена великая культура, которая в конечном счете как бы закодирована в музыке созвучий арабской молитвы.

Путь Никитина был труден и опасен, он преодолевал его под вымышленным именем «хозяина (ходжа) Исуф Хоросани». И даже в последнем турецком городе Трабзоне «субаши [начальник охраны города – А.А.] и паша [наместник султана – А.А.] много зла мне причинили», – пишет Никитин, то поясняя чужие слова по-русски, то переводя с русского на «персидский»: «Божией милостью прошел я до третьего моря – Черного,

что по-персидски дарья Стамбульская» (Nikitin, 1986: 58). В этой связи особенно показателен момент определения жанра «Хождения» как путевых очерков. Его восприятие в контексте эстетической дистанции подводит к заключению о необходимости уточнения жанровой дефиниции. Некоторые качества текста позволяют предположить в нём, помимо примет очерковости, письмо на Родину, так как явно намеренное переложение на другом языке ярких в своей эмоциональности высказываний о фактах, вызвавших отклик автора, свидетельствует о намеренности сохранить их для тех, кто будет читать записи, и нежелании вызвать у соотечественников осуждение за слишком резкую интерпретацию увиденного. Речь идет об оценке храмовой проституции, о социальном неравенстве в обществе. Картина мира моделируется в «Хождении» особой культурой высказывания со своей дискурсивной стратегией. Сообщаемое в дискурсе «Хождения» имеет коммуникативный статус письма. В этом случае становятся понятными выраженный монологизм, инсталляции фраз «на чужом языке» (тюркско-персидском жаргоне) в качестве намеренных зашифрованных высказываний, которые адресованы своим соотечественникам, способным или неспособным узнать истинный смысл

Уместно суждение Барта Р. о том, что «письмо возникает, как продукт значимого поступка писателя, оно соприкасается с Историей несравненно более осязательно, нежели любой другой пласт литературы» (Bart, 1983: 13). «Хождение» же насыщено историческими сведениями, которые были использованы как в российской (Karamzin, 1892: 346) и советской (Lurje, 1986: 65) историографии, так и в истории государств Бахманидов, Гоа и Виджаянагара (Lurje, 1986: 95).

Продолжим цитацию из Барта: «Если форма письма необычна для своего времени и современников – она превращается в воплощенное одиночество автора» (Bart, 1983: 18). Именно это имел в виду Н.Трубецкой, пришедший к выводу, что «Хождение» проникнуто реальным ощущением изолированности Никитина среди окружающей его нехристианской религиозной стихии (Trubecoj, 1983: 452).

Результаты и обсуждение

С точки зрения рецептивной эстетики (Pijin, Curganjava, 1996: 25) последние страницы «Хождения» представляют собой виртуальные «го-

рячие точки» произведения. Связав их с теми образами, которыми насыщены события завершающего отрезка пути, возможно сформулировать «ненаписанный смысл текста» и попытаться объяснить главную его загадку.

«Горячие точки» – это, во-первых, совершенно иная сверхсистема Востока, лишь приоткрывшая перед русским «гарипом» свой мир и свои тайны, но жестко державшая гостя в рамках свойственных ей ментальности, религий, кодексов поведения, и, во-вторых, постоянное чувство одиночества и тоски по родине. Вот только одна деталь последних месяцев: «А из Тебриза пошёл в ставку Узун Хасан-бека. В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было» (Nikitin, 1986: 58). Другая ситуация: «И в том Трабзоне субаши и паша много зла мне причинили. Добро мое всё велели принести к себе в крепость, на гору, да обыскали всё. И что было мелочи хорошей – всё выграбили» (Nikitin, 1986: 58). Годы, проведенные в ритме постоянного напряжения и самоконтроля, не могли не сказаться на личности путешественника. Всё вместе и определило тот неоднозначный внутренний мир автора.

Заключение

Пройдя «милостью Божией три моря», Афанасий Никитин, оказавшись достаточно длительное время в многообразном и сложном мире Востока, не мог не отметить такую деталь мусульманского религиозного ритуала, как возможность его отправления в любом, где бы ни находился верующий, месте (возможно и за пределами храма), и даже если он будет в полном одиночестве. Главное – произнесённое во всеуслышание и в определенное время слово молитвы, восхваляющей Бога единого, благого, великого! Не потому ли и завершается «Хождение» именно такими словами. Исследование интерпретации фактов в текстах травелогов позволяет уточнить наиболее важные мысли и мнения, которыми авторы стремились поделиться с читателями. Среди них известные русские писатели – А.С. Пушкин, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и другие. В этом контексте особую значимость приобретает первый подобный опыт, каким является произведение русского путешественника Афанасия Никитина.

Литература

- Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. – М., 1980. – 115 с.
- Doiron N. L'art de voyager. Pour une définition du récit de voyage à l'époque classique. – Dans Poétique. – 1988. – № 73. (In French) – С. 10-29.
- Le Huenen R. «Qu'est-ce qu'un récit de voyage?», dans Les modèles du récit de voyage. – Littérales. – N 7. – Paris X-Nanterre, 1990. (In French) – С. 5- 20.
- Бембеев Е.В. Своеобразие жанра путешествий (хождений) к святым местам (на примере русских, татарских и калмыцких источников) // Монголоведение. – Т. 2 // Сб. ст. под ред. Очирова Н.Г. – Элиста, 2003. – 296 с.
- Никитин Афанасий. «Хождение за три моря» // Серия «Литературные памятники». Изд. подг. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. – Л.: Наука, 1986. – 212 с.
- Волков Д. «Хождение за три моря Афанасия Никитина»: история и политика. URL: <http://www.proza.ru/avtor/dengusev> 90
- Intertextuality in Faulkner / Ed. By Gresset M., Polk M. – Jackson, 1985. – 217 p. (in English).
- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. Пер. с англ. – М.: Радуга, 1983. – С. 306-349.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб., 1892, Т. VI. – 342 с.
- Лурье Я.С. Русский «чужеземец» в Индии XV века. – Л.: Наука, 1986. – 69 с.
- Трубецкой Н.С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика. Ред. Ю. Степанов. – М., 1983. – С. 437- 461.
- Ильин И.П., Цурганова Е.А. Современное зарубежное литературоведение. – М.: Интрада, 1996. – 320 с.

References

- Bart R. (1983). Nulevaja stepen pisma. (Zero degree of writing) Semiotica. Moscow: Raduga, 1983. (transl. from Engl.)
- Bembeeve E. (2003). Svoeobrasie zhanra puteshestviy (hozhdeniy) k svjatyam mestam (na primere russkih, tatarskih i kalmyckih istocnikov). Mongolovedenie. [Originality of the genre of travel (walking) to holy places (on the example of Russian, Tatar and Kalmyk sources) Mongology]. Elista. 296 p. (In Russian)
- Doiron N. (1988). L'art de voyager. Pour une définition du récit de voyage à l'époque classique. Dans Poétique. 1988. №73. (In French)
- Intertextuality in Faulkner. (1985). Ed. By Gresset M., Polk M. Jackson. 217 p. (in English)

- Ilijin I.P., Curganjva E.A. (1996). *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie* [Modern foreign literary study]. M.: Intrada. 320 p. (In Russian)
- Karamzin N. (1892). *Istoria gosudarstva rossijskogo* [History of Russian Government]. Spb, t. YI. (In Russian)
- Le Huenen R. (1990). *Qu'est-ce qu'un récit de voyage?*, dans *Les modèles du récit de voyage. Littérales*. No 7. Paris: X-Nanterre. (In French)
- Maslova N. (1980). *Problemy zhanra*. [Track essay: problems of the genre] M. 115p. (In Russian)
- Lurje J. (1986). *Russkij cuzhezevec v Indii 15 veka*. [Russian «alien» in India fifteenth century] L.: Nauka. 69 p. (In Russian)
- Nikitin Afanasij. (1986). *Hozenie za tri morja*. [The Journey of the Three Seas]. Seria Literaturnye pamjatniki. Izd. podgot. J. Lurje, L. Semenov. L: Nauka. 212 p. (In Russian)
- Trubeckoj N.S. (1983). «Hozenie za tri morja» Afanasija Nikitina kak literaturnyj pamjatnik [«The Journey of the Three Seas» by Afanasy Nikitin as a literary monument]. *Semiotica*. Red. Stepanjv Ju. M. (In Russian)
- Volkov D. «Hozenie za tri morja» Afanasija Nikitina: istoria i politika [«The Journey of the Three Seas» by Afanasy Nikitin: history and politics]. URL: <http://www.proza.ru/avtor/dengusev> 90 (In Russian)